

Через две границы

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

— Этого не может быть! Вы, видимо, что-то перепутали... — вежливо изумились в посольстве Литвы при виде анкеты для получения визы: в графе, где нужно было указать дату последнего посещения республики, я написала — 1969...

Нет, я ничего не перепутала, хотя, действительно, страшновато подумать: сколько эпох скрыто в двадцати шести годах жизни. Той самой жизни, что пришлось именно на это время. А потому мое трехдневное путешествие было одновременно воспоминанием и знакомством.

Я ехала по приглашению Русского театра знакомиться с последними премьерами их несколько необычного репертуара, основу которого составляют на сегодняшний день западные пьесы. Впрочем, есть и русская классика, и обширная программа детских утренников, и какая-то часть современной драматургии. Настолько небольшая, что Русский театр, например, умудрился остаться в исключительном меньшинстве трупп, обобщедшихся без творчества Николая Коляды, Михаила Волохова и прочих певцов нынешней реальности.

Я возвращалась в этот театр спустя двадцать шесть лет.

Я впервые должна была получить визу и пересечь две границы, чтобы оказаться в издана любимой Прибалтике.

Вот эти два момента во многом и определили, с одной стороны, повышенную любознательность, с другой же — слегка ностальгическое настроение. И потому, наверно, едва ли не впервые в жизни я старалась узнать не только и не просто театр, а ту реальность, в которой он существует, тот особый климат, в котором его свежие побег, молодые силы должны окрепнуть или зачахнуть.

Неожидано для меня самой это «исследование» оказалось настолько увлекательным, что Русский театр с его репертуаром, каждадневными заботами, проблемами, праздниками оказался маленьким зеркалом, причудливо, но в значительной мере достоверно отражающим столичную жизнь страны, ставшей для нас так недавно чужой страной...

Того помещения, в котором я была в первый свой приезд, уже нет. От бывшего здания, построенного специально для Русского театра в 1946 году, когда он начал свое существование в Литве, остался ужасающий на вид остов: три стены, на одной из которых по-прежнему красуются изображения театральных масок. Со стороны бывшей четвертой стены можно увидеть бывшее сарайе — место, где некогда помещалась сцена: остатки колосников, переходов, лестниц... Недавно пришлось поставить ограждение — начали сыпаться кирпичи, кто-то даже пострадал. Ремонт начат лет восемь назад, но ощущение такое, что ничего не ремонтируется, просто здания само по себе постепенно рушится; если когда-нибудь и завершится эта «стройка» красной, неизвестно еще, кто станет хозяином прекрасного театрального здания в самом центре Вильнюса — Русский театр опасается, что слишком велика будет конкуренция.

Конкуренция идет о себе знать и в том здании, где Русский театр нашел приют: это замечательное, уникальное строение 1907 года словно пронизано особой, театральной аурой. Здесь размещался Оперный театр, пока не было построено новое, современное здание, оснащенное самой современной техникой. Сегодня же вместе с Русским театром здесь находятся два фольклорных коллектива — они совсем не прочь обосноваться в этом помещении каждый по отдельности. Здесь же репетирует Эймунтас Някрошюс — самый известный из литовских режиссеров.

Цена из спектакля «На отшибе мира»

Но, несмотря на подобную многонаселенность, у меня ни на минуту не возникло ощущение коммунальной квартиры: много людей в буфете, весь день обслуживающем актеров и работников театров, а вечером — зрителей. Все мирно сидят за уютными столиками, пьют кофе, едят удивительно вкусные домашние блинчики и пельмени, которые готовят приветливо, улыбающиеся буфетчицы...

Да, людей в театре, действительно, много. К сожалению — не зрителей, потому что проблема заполнения зрительного зала, оказывается, поистине грани не знает. Это происходит сейчас едва ли не во всех городах и странах. Однако здесь можно было бы, конечно, попытаться объяснить для себя эту проблему с точки зрения, так сказать, исторической. Что грех таить, традиционно русские драматические театры в бывших республиках СССР особенного интереса у публики не вызывали — за крайне редким исключением. Но сегодня, когда все оказалось отрезанными от всех, на расстоянии думалось, что именно эти театры должны становиться своеобразными центрами русской культуры в неосознанно образовавшемся зарубежье — пусть ближнем, но все же...

Не берусь обобщать, потому что могу лишь гадать, как относятся ныне к русским театрам в Эстонии и Латвии, Молдавии и Белоруссии, на Украине и в Средней Азии. В Литве к труппе относятся с интересом — свидетельством тому число зрителей-литовцев на одной из последних премьер — «Медее» Еврипида. Оно значительно превышало число русских зрителей.

Русский театр вот уже третий год возглавляет молодой режиссер Линас Мариюс Зайкаускас. До Вильнюса работал в Паневежисе, в Каунасе, много ставил и продолжал ставить в Польше. Он пытается построить в каком-то смысле особый, ни на один другой не похожий театр. И во многом это ему удается. В

Русском театре режиссер поставил пока три спектакля — «Макбет» Шекспира, «Медее» Еврипида и «На отшибе мира» Талейша Кантора. Пожалуй, лишь последняя работа Зайкаускаса вызвала почти единодушное одобрение литовской критики, и, смею предположить, причины тому не только эстетические.

Имя Эймунтаса Някрошюса известно, пожалуй, во всем мире. Некогда гремела по миру слава Паневежисского театра и его бессменно на протяжении десятилетий руководителя Юозаса Мильтиниса. За пределами Литвы и бывшего Советского Союза достаточно широко известно имя Йонаса Вайтуса. Казалось бы, для такой небольшой страны, как Литва, достаточно. Особенно, если прибавить к этому списку имена замечательных актеров, известных нам не только по театру, но, в первую очередь, по киноработам — Донатаса Банюсиса, Регимантаса Аломайтиса, Юозаса Бурдайтиса, покойного Бронюса Бабкаускаса... Войти в круг, обрисованный давно и прочно, — дело почти безнадежное. Над всеми нами выстулуют стереотипы, ломать которые слишком сложно. Порой на это уходит десятилетия. Но нельзя не увидеть, что молодой режиссер избрал свой собственный путь постижения мира и попытки его театрального преобразования. Черты эстетики Зайкаускаса отчетливо представлялись мне в «Медее» и в спектакле «На отшибе мира».

Я бы определила их как стремление запечатлеть трагический маскарад бытия, в котором, по словам одного из персонажей Талейша Кантора, «все мы на страницах истории... Что было, то и теперь есть; что будет — то уже было». И в подобном взгляде на современную жизнь, на современное искусство Линас Мариюс Зайкаускас нашел единомышленников — интересных, разнообразных актеров Русского театра, представляющих сразу несколько поколений; директора театра — Артураша Шабла-

ускаса, с которым они, как показалось, понимают друг друга с полуслова и едины в своих устремлениях; художника Нину Ливант; ассистента режиссера и хореографа Леонардо Дабужинскайте...

Линас Мариюс Зайкаускас не просто ставит спектакли — он поделился со мной программой, на которой хотел бы сосредоточиться: единение русских театров самых различных регионов бывшего СССР. Приглашение на постановки, обменные поездки, в идеале — некая организация объединенных театральных коллективов. Думаю, это замечательная идея — ведь в каждой из республик живет значительное количество «некоренного» населения; по-настоящему заинтересовать их театром, а затем уже сделать театр центром культурной жизни — дело нужное и благородное...

Ближайшие планы Русского театра — приглашение режиссеров из Белоруссии и Украины для постановки своей национальной классики, приглашение режиссеров из России для постановки русской классики. Сам Зайкаускас пока ставит русскую драматургию не торопится — пусть над ней работают приглашенные режиссеры. Политика? По-своему, да. И в достаточной степени разумная.

Все осталось прежним. Все изменилось до неузнаваемости. Прошло двадцать шесть лет — за эти годы и десятилетия мы успели не только отгородиться друг от друга границами, но и понять, насколько же мы нужны друг другу, насколько беднее становится наша жизнь без общения, без обмена мыслями, чувствами, да просто — улыбками. Отправляясь в Вильнюс через две границы, я не до конца понимала это. Возвращаясь через две границы в Москву, знала уже точно: пройдет еще совсем немного времени, что-то еще улетится и образуется, и мы снова будем вместе. Слишком прочно связаны наши жизни: прошлым, настоящим, а значит — будущим.